

Научная статья

УДК 398.61(=512.212)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-2-72-83

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ: МЕТАФОРЫ НЕБА И НЕБЕСНЫХ ТЕЛ В ЭВЕНКИЙСКИХ ЗАГАДКАХ

С. В. Филиппова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,

Якутск, Россия

e-mail: filippova_sargylana@mail.ru

Аннотация. Загадки представляют собой жанр фольклора, репрезентирующий антропоцентрический характер языка. *Актуальность* исследования определяется тем, что метафорические описания космических объектов позволяют не только проследить традиционные культурно-детерминированные образные сравнения, но и реконструировать законсервированные в текстах загадок архаичные мифологические мотивы и сюжеты. *Новизна* работы обусловлена семиотическим подходом к метафорическим образам эвенкийских загадок, отображающим мифологические представления эвенков о вселенной и ее структуре. *Цель* – идентифицировать традиционные представления эвенков о небесной сфере на материале космогонических загадок. Для достижения обозначенной цели были решены следующие *задачи*: определить ключевые метафоры (коды), актуализирующие образы неба и небесных тел; выявить в текстах загадок элементы традиционной культуры эвенков; определить зафиксированные в загадках мифологические мотивы и сюжеты. *Методы* контекстуально-семантического и семиотического анализа космогонических паремий позволили выявить, что эвенки переосмыслили образы неба и небесных тел посредством антропного, зооморфного, предметно-бытового, природного, акционального и пищевого кодов. Установлено, что рассмотренные фольклорные тексты содержат разнообразные иллюстрации элементов мифологической картины мира эвенков, актуализированные через образы людей, животных, предметов быта, природных и сакральных объектов. В ходе исследования были получены следующие результаты: в загадках прослеживаются архетип мировой горы, мифологемы вертикальной модели мира и первозданных вод; выделяется мотив о космической охоте; реконструируются мифы и сюжетные линии об антропоморфной и зооморфной природе космоса; воспроизводится быт и промысловая культура эвенков. В качестве метафор неба используются такие элементы традиционной культуры как чум, шкура, головной убор; луна репрезентирована через образ меховой обуви; лучи солнца изображаются как эвенкийский аркан. В целом, результаты исследования свидетельствуют о том, что космогонические загадки являются интересным материалом, иллюстрирующим архаичные представления о сотворении мира, структуре вселенной, а также специфику ландшафта, культуры, традиций и быта этноса. Перспективы работы определяются тем, что полученные результаты могут быть использованы в сравнительных исследованиях, посвященных проблематике отражения мифологического мировоззрения и космогонических представлений в фольклорных текстах разных народов.

Ключевые слова: эвенки; эвенкийский язык; загадка; культурный код; метафора; образ; архетип; мифология; космогонический миф; небо; солнце; луна; звезды

Благодарность: Автор выражает благодарность магистранту СВФУ Тимофееву Тимуру Айаловичу за помощь в поиске материалов исследования.

Для цитирования: Филиппова С. В. Культурные коды: метафоры неба и небесных тел в эвенкийских загадках. *Эпосоведение*. 2025;2(38):72–83. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-72-83>

Original article

Cultural codes: Metaphors of the sky and celestial bodies in Evenk riddles

Sargylana V. Filippova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: filippova_sargylana@mail.ru

Abstract. Riddles refer to a genre of folklore that embodies the anthropocentric nature of language. The relevance of the research is explained by the fact that metaphorical descriptions of celestial objects allow not only to trace traditional culturally determined figurative comparisons but also to reconstruct archaic mythological motifs and plots preserved in the texts of riddles. The novelty of the study is determined by a semiotic approach to metaphorical images of Evenk riddles, reflecting mythological ideas of Evenks about the universe and its structure. The aim is to identify their traditional ideas about the celestial sphere on the material of cosmogonic riddles. To achieve the goal, the following tasks were solved: to distinguish key metaphors (codes) that actualize images of the sky and celestial bodies; to mark elements of traditional Evenk culture in the texts of riddles; to recognize mythological motifs and plots fixed in the riddles. The methods of contextual-semantic and semiotic analyses of cosmogonic paroemias allowed us to reveal that Evenks reinterpreted the images of the sky and celestial bodies through anthropic, zoomorphic, object-based, natural, actional, and food codes. It was established that folklore texts conserved various illustrations of elements of the Evenks' mythological worldview, verbalized in the images of people, animals, household items, natural and sacred objects. The following results were obtained in the course of the study: in riddles there are traces of the mountain archetype, mythologemes of the world's vertical model and primordial waters; motif of cosmic hunting is distinguished; riddles reconstruct myths and narrative lines about the anthropomorphic and zoomorphic nature of the cosmos; texts reproduce the daily life and subsistence culture of Evenks. Elements of traditional culture such as a chum, pelt, headwear are used as metaphors for the sky; the new moon is pictured through the image of a shoe made of deerskin; sun rays are depicted as a *maut* – a traditional Evenk lasso. Overall, the results of the study indicate that cosmogonic riddles may serve an interesting material illustrating archaic ideas about the creation of the world, the structure of the universe, as well as the specifics of the landscape, culture, traditions, and the daily life of the ethnos. The prospects of the work are seen in the possibility to use the results of the study in further research on the problems of reflecting the mythological worldview and cosmogonic representations in folklore texts of different ethnic groups.

Keywords: Evenks; Evenk language; riddle; cultural code; metaphor; image; archetype; mythology; cosmogonic myth; sky; sun; moon; stars

Acknowledgments: The author would like to express her gratitude to NEFU master's student Timofeev Timur for assistance in the process of collecting the material.

For citation: Filippova, S. V. Cultural codes: Metaphors of the sky and celestial bodies in Evenk riddles. *Epic studies*. 2025;2(38):72–83. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-72-83>

Введение

В рамках антропологической парадигмы лингвокультурологии активно обсуждается проблематика отражения этнического мировоззрения и менталитета в языке и текстах культуры, приводятся интересные данные по архаичным мотивам исконного и заимствованного характера в разнообразных фольклорных материалах народов мира [1; 2; 3]. Фольклор эвенков не является исключением, большой интерес вызывают фундаментальные работы, посвященные мифам, обрядам, героическим сказаниям, преданиям эвенков [4; 5; 6; 7; 8]. При этом, несмотря на наличие разнообразных сборников по эвенкийскому фольклору, загадки, в частности космогонические, представляют собой исчезнувший жанр народного творчества [8, с. 3], вследствие чего собранные исследователями материалы характеризуются некоторой скудностью. «Дефицит» данных усугубляется отсутствием полного систематизированного сборника эвенкийских загадок, что объясняется спецификой этногенеза эвенков, которые расселены на достаточно

обширных территориях РФ и Китая и, соответственно, имеют закономерные различия в наречиях, культуре, быте, промысловой деятельности.

Несмотря на обозначенные трудности, предпринята попытка достичь цели исследования – выявить традиционные представления эвенков о небесной сфере на материале космогонических загадок. Выбор космогонической тематики обусловлен **актуальностью** исследований по реконструированию архаических концепций мироздания, воспроизведенных в фольклорных текстах. В космогонических мифах, в которых сконцентрированы сюжеты о рождении богов и сотворении мира, наиболее полно отображены мифологические представления народа о бытии [9]. Поскольку архаичные идеи о мироздании служат основой фольклора, загадки о небе и небесных телах могут рассматриваться как энигматические тексты, в которых в сжатой форме консервируются элементы архаичных мотивов о создании Вселенной и ее структуре. Целесообразно подчеркнуть, что в данной работе не рассматриваются языковые, в частности диалектные и графические, различия в извлеченном из различных сборников материале. Нами не обозначена задача провести сопоставительный анализ загадок, установив расхождения или совпадения в образах, зафиксированных в фольклорных текстах эвенков, проживающих в разных регионах России (например, эвенков Прибайкалья или Якутии). Кроме того, мы не пытаемся установить природу и происхождение метафор и мотивов: несмотря на наличие отдельных замечаний об исконном или заимствованном характере некоторых образов, историко-этимологический аспект выносится за рамки исследования. Таким образом, в настоящей работе мы акцентируем внимание на культурно-мифологической природе метафорических сравнений в семиотическом контексте, в соответствии с которым метафоры интерпретируются как знаки – коды культуры, передающие информацию о традиционном мировоззрении, мировосприятии, особенностях конструирования и оценки окружающей действительности.

В рамках семиотического подхода традиционная загадка рассматривается как текст, иносказательно репрезентирующий некий объект посредством культурно-детерминированных знаков, которые, сочетаясь друг с другом, актуализируют определенные значения и образы. Причем зачастую главную роль в загадке играет знак, который заменяет денотат (отгадку), выступая в качестве ключевого образа-подсказки. Подсказка представляет собой сравнение, основанное на метафорическом или метонимическом переосмыслении загаданного объекта, указывая на то, что ключевому знаку-образу и денотату приписываются схожие черты или функции. Семиосфера загадок – своеобразный репрезентант не только процессов ментального переосмысления, но и образов сознания: образ в языке и мышлении функционирует в качестве «систематизатора и параметра онтологии», при этом метафора выступает как «магический кристалл фокусировки пространства, времени и мысли, языковой способ соединения одновременности и непрерывности движения культуры» [10, с. 61].

В метафорических сравнениях можно проследить мифическую природу народной загадки, поскольку некоторые тексты являются трансформированными мифами и легендами, отсылая к архаичным сюжетам о сотворении мира и космоса [11; 12; 13; 14; 15]. Данный жанр фольклора связан с представлениями о табу, тайной речи, традиционных ритуалах, он отражает элементы мифологической картины мира [12]; загадки рассматриваются как «древнейший пласт текстов, в которых некий сюжет (прежде всего – космогонический) представлен в виде иерархизованного списка вопросов и ответов» [13, с. 178]; в загадках представлены сюжеты, мотивы, «персонажный набор, формульное кодирование мифологем» модели мира [Там же, с. 188]. А. Стефанова отмечает тесную связь загадки с архетипом: текст загадки, будучи кратким, но целостным и полным описанием части мира, является попыткой запечатлеть архетип и трансформировать его в слова [15, с. 134]. В загадках раскрываются «глубинные связи языка с творческим мышлением» и эксплицируется внутренняя форма языковой единицы, обусловленная «национальным духом этноса» [16, с. 141]. Таким образом, загадки могут актуализировать исторически значимую информацию о представлениях древних

людей через культурно обусловленные знаки, репрезентирующие трансформированные архетипы и мифологические мотивы.

В данном исследовании знаки, кодирующие объекты, интерпретируются в контексте культурных кодов – совокупности «знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры» [17, с. 295]. Будучи вторичной семиотической системой, культурные коды отражают «ментальность любой этнокультуры», транслируя ее ценности и формируя систему «нормативных и оценочных критериев», через призму которых коллектив познает окружающий мир [Там же, с. 3]. Исследователи отмечают, что культурный код – это ядро культуры, «исходная знаковая структура, своего рода матрица, содержащая как бы в еще не проявленном виде все компоненты культурной парадигмы народа и его поведения» [18, с. 10]. Актуализирующиеся в текстах загадок образы являются знаками соотношения между вещью (объектом) и обозначающим ее кодом – метафорическим именованием или описанием, связанным с элементами неязыкового уровня, а именно культурой, верованиями, бытом, мифологической картиной мира и т.п. В этой связи ключевые метафоры эвенкийских загадок рассматриваются в аспекте расшифровки культурного кода – источника информации об образах этнического мировосприятия и элементах мифологической картины мира.

В качестве материала исследования использованы 26 космогонических загадок, извлеченных методом сплошной выборки из следующих источников: «Юктэ: Эвенкийские загадки, пословицы, поговорки, приметы» Е. Ф. Афанасьевой [19]; «Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» Г. М. Василевич [5]; «Фольклор эвенков Прибайкалья» М. Г. Воскобойникова [20]; «Человек сильнее всех: Эвенкийские народные сказки, предания, загадки, приметы, наставления» и «Гулувун дегдэдэдэн... - Чтоб не гас костер... : Сказки, стихи» Н. К. Оёгира [21; 22]; «Фольклор эвенков Якутии» А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой [8]; «Верный друг. Сказки эвенков» И. И. Суворова [23]. Для описания культурных кодов и мифологических мотивов, отражающих представления эвенков о небе и небесных телах, использовались методы контекстуального, семантического и семиотического анализа.

Солнце в эвенкийских загадках

Прежде чем перейти к обсуждению образа солнца, целесообразно обсудить специфику образа неба в эвенкийской мифологии. Необходимо подчеркнуть, что среди отобранных космогонических текстов не отмечены отдельные загадки о небе, в этой связи его репрезентация анализируется через призму локации других космических объектов. Исследователи отмечают, что в эвенкийской мифологии Буга / Небо отождествляется с антропоморфными и зооморфными образами, редко с персонифицированным началом, символизируя в пространственном аспекте нерасчлененную единую Вселенную, к которой относили верхний, средний и нижний миры, земную и небесную сферы, родину, тайгу, природу, погоду, мир [24, с. 33; 25, с. 24]. Данные представления соотносятся со словарными дефинициями лексемы буга: 'местность', 'страна', 'земля', 'мир', 'вселенная', 'свет', 'место', 'небо', 'бог', 'дух', 'икона' [26]. Верховное божество Буга ассоциировалось с разными одушевленными существами: образами лося или лосихи (самки оленя); хозяйкой-владицей Вселенной и рода (матерью рода) или женщиной «в облике лосихи – матери-прародительницы мира и жизни» [25, с. 23-24]; мужским божеством – антропоморфным образом творца Вселенной, земного мира, людей, хозяином неба, света, земли [24, с. 35-36; 25, с. 23-24]. Так, в мифологии забайкальских эвенков зафиксирован сюжет о двух братьях Буга и Хырга, которые поделили небо и землю. Сначала братья плавают вместе в море (архетип мирового океана), затем Буга «достает гору, вынимает оттуда оленя», из которого создает на водном пространстве землю [25, с. 17]. После разделения первозданного мира на небо и землю становятся видны солнце, луна и верховное божество космоса Буга, т.е. оно обитало на самом верхнем уровне неба, на вершине мировой горы, «за пределами видимой небесной сферы» [25, с. 27]. Необходимо отметить созвучность Буга с лексемой буг, буг*, бугу*

в значении 'олень' [27], что отсылает к изоморфизму образов неба, оленя и лося. А. Ф. Анисимов подчеркивает, что зооморфный облик владычицы вселенной может быть связан с генетической близостью слов буку, бугу, буху, именующих в тунгусо-маньчжурских языках оленя, изюбря и лося [24, с. 37]. Таким образом, небо в эвенкийской лингвокультуре отличается сложными, многоликими, порой трансформирующимися образами, репрезентирующими его многозначный характер и интересную этимологию.

Зооморфный образ неба, определяющий ключевые мифологические мотивы эвенков о природе космоса, четко прослеживаются в загадке о луче солнца *Гиллэмэ мāvут тāнмуракин, нй-дэ эвкй дявара / Блестящий маут протянется, никто его не поймает* [21, с. 162]. В тексте помимо мотива о зооморфном происхождении неба репродуцируется тема традиционной хозяйственной деятельности эвенков – оленеводства: так, неуловимый яркий луч иллюстрируется через образ маута – аркана, длинной скрученной веревки для ловли оленей, охоты, использования в быту, соревнованиях, обрядах, например, их передавали по наследству или хоронили вместе с умершим [28]. Оленеводческая тематика при изображении солнца не случайна: для алтайских народов характерны астральные мифы о первопредке (мироустроителе, творце), который «имел ипостась оленя с золотыми рогами до небес, реже – всадника на олене с рогами до небес, мировая гора ассоциировалась также с оленем, имевшим рога как лестницу до небес» [25, с. 40].

Вызывает интерес, что в большинстве загадок изображение солнца осуществляется посредством эксплицитного описания, ориентированного на выделение его функциональных характеристик: *Укпаттук уэритмэр, укпаттук һэжүтмэр / Всех светлее, всех жарче* [19, с. 7]; *Экун дегдэвки, энэ сйврэ / Что горит и не гаснет?* [Там же]; *Экун дегдэвки, энэ ачка бўлдэй / Что горит и не потухает?* [23, с. 50]. В текстах актуализируются физические признаки небесного тела: оно иллюстрируется как неиссякаемый источник тепла и света. В космогонической тунгусо-маньчжурской мифологии стихию огня располагали рядом с верховным божеством неба, рассматривая его как частицу солнца, как главную творящую стихию, создающую «мир, землю» и дающую «тепло, жизнь людям» [25, с. 38].

Интересный мотив воспроизводится в загадке *С горы выстрелило, тепло стало* [20, с. 159], где в качестве ключевого выступает природно-пространственный код. В эвенкийском фольклоре бог солнца *Дылача* (либо персонаж, олицетворяющий солнце *Долодай, Долда, Диуле*), описывался как хозяин света и тепла, покровитель людей и земного пространства, «космическое божество, связанное с небом, солнцем, горой» [25, с. 37]. Исследователи отмечают, что тунгусо-маньчжурские народы ассоциировали солнце с «обожещаемой и почитаемой» мировой горой либо описывали траекторию движения солнца как ход вокруг мировой горы [Там же, с. 38]. Мировая гора, установленная мифологическим первопредком-творцом, находится «в центре мировой реки и Вселенной» и образует «вертикальную модель» мира, соединяя «небо и землю, людей и предков» [Там же, с. 39]. Помимо образа вертикальной оси мира в тексте загадки наблюдается уникальный мотив – метафора выстрела, который связан с мифом о космической охоте: каждую ночь охотник преследует лося и лосиху, укравших солнце; каждое утро стрелок возвращает солнце, убивая солнечную лосиху из лука и обеспечивая тем самым смену дня и ночи [Там же, с. 17-20]. Таким образом, природно-пространственная метафора *с горы* дополняется акциональным кодом, в основе которого лежат представления о действиях, отражающих представления народа «о способах, фазах, интенсивности, времени, месте, ценности, целесобразности, видах деятельности» [29, с. 106]. Выстрел может знаменовать победу охотника и освобождение солнца, тем самым акциональный код в данном тексте репрезентирует не только действия, свойственные человеку, но и практики, имеющие «магический характер» [29, с. 89]. В целом, семиотический анализ загадок о солнце демонстрирует, что в текстах воспроизводятся мифы о первопредке, космической охоте, реконструируется архетип мировой горы, иллюстрируется оленеводческая деятельность эвенков, их охотничья и промысловая культура.

Луна в эвенкийских загадках

При описании луны используются разнообразные метафоры и образы, отражающие архаичные представления об антропоморфной природе небесных тел. В космогонических мифах эвенков ключевые природные явления носили персонифицированные черты, что нашло отражение в иллюстрирующих луну загадках. В тексте *Того дōдун бэе илитчаран / Внутри огня человек стоит* [19, с. 7] фигурирует источник огня и света на фоне темного неба. Мужской облик не только передает очертания пятен на луне, но и олицетворяет ее божественную сущность и происхождение. В антропогонических мифах вся вселенная часто описывалась как происходящая из частей тела первого человека; у языческих народов, неразрывно связанных с природой и космическими ритмами, небесное пространство воспринималось как обитель богов и/или отождествлялось с одушевленными образами божественного происхождения [30, с. 87-88]. У эвенков, как и у многих других народов, бытовали представления о человеке, который был перемещен в верхнее пространство с земли [31, A32D]. Так, денотатом загадки *Эма асаткāн умūкин индерэн / Какая девочка живёт одиноко? является Асаткан бегаду / Девочка на луне* [19, с. 7]. Здесь наблюдаются следы созвучных мифов об истории происхождения пятен на луне: на полной луне видна девочка, которая поймала котлом отражение месяца в воде и прильнула к нему; мачеха обижала сиротку и заставляла ее работать, девочка пошла с котелком за водой, и сама попросила луну забрать ее к себе; богач послал сироту ночью за водой, девочка плакала, луна пожалела ее и забрала к себе [31, A32D].

В загадке баргузинских эвенков *Человек овец охраняет* [20, с. 174] отображается тема своеобразной иерархии небесных тел. В данной иллюстрации совокупность формируемых смыслов и образов указывает на главенство луны, осуществляющей функции защитника и пастуха в ночном небе; посредством антропоморфного кода луна приобретает признак мужского активного начала. В тексте также имплицитно репрезентировано метафорическое описание неба в образе поля, на котором пасутся многочисленные овцы (звезды). В целом, экспликация луны через образ человека, охраняющего скот, наблюдается во многих культурах, где было распространено скотоводство [32, с. 386-387]. В повседневной жизни скот давал пищу и одежду, небесная сфера, будучи источником дождей, света, тепла, воспринималась как божественный дар. Метафорическое переосмысление функций скота и природных явлений привело к их отождествлению и реконструированию скотоводческой деятельности в космическом пространстве [Там же]. В загадке дальневосточных эвенков *Что это за коровий рог на всех людей смотрит?* [20, с. 159] передается внешний облик месяца. Метафора коровьего рога не только воплощает интеграцию образа рогатого скота в мифологическое сознание эвенков, но и вербализует архаичные воззрения о тождестве луны и коровы, воспроизводя представления о зооморфной природе космоса. Метафора коровы олицетворяет плодovitость и изобилие, отсылая к женскому началу. Отождествление луны с женским образом обусловлено наблюдениями архаичного человека: фазы луны связывались «с убыванием и прибыванием плодородия» и менструальным циклом [33, с. 138-139].

В загадке *Половина глухаря* [20, с. 170] через образ птицы, вернее, ее формы (имплицитно выраженный соматический код), реализуется описание внешних характеристик месяца. Эвенки, для которых охота на птицу являлась экзистенциально-релевантным способом добывания пищи, воспроизвели в тексте загадки свои наблюдения за природой, запечатлев общие черты у небесного тела и промысловой птицы.

Уникальные мотивы наблюдаются в следующих загадках о месяце: *Дюдуду багдама хэрмитын олгодёрон / В чуме белая подошва подсыхает* [22, с. 161]; *Под крышей большого чума подошва унтайки висит-сушится* [21, с. 128]. Во-первых, в данных текстах вселенная репрезентируется через метафору чума: представление о вселенной как вертикальной оси выражено в микрокосмическом плане через образ жилища конической формы. Во-вторых, предметно-бытовой код, отсылающий к национальной зимней обуви эвенков, воспроизводит

полукруглую форму месяца. В-третьих, по мнению автора, в загадке нашла свое отражение специфика быта эвенков: наверху чума имелось дымовое отверстие, служившее ночью источником света, в центральной части чума находился очаг, над которым эвенки устанавливали горизонтальные перекладки для приготовления пищи и сушки одежды [6, с. 109-111]. Метафорическое изображение месяца (*белая подошва подсыхает, подошва унтайки висит-сушится*) имплицитно указывает на время появления небесного тела, поскольку одежду и обувь снимали, развешивали и сушили в вечернее и ночное время. В темное время суток эвенки видели свет луны, проникающий через дымовое отверстие чума, что привело к размещению луны под вершиной вертикальной оси мира (под крышей чума). Данное расположение также отражает близость луны к земле по сравнению с другими космическими телами. Таким образом, в данной загадке ментальное переосмысление мира как конического жилища было дополнено спецификой бытовой жизни эвенков.

В загадке *Круглый камень из дома виднеется* [20, с. 159] описание луны реализуется через природный код, репрезентирующий почтительное отношение эвенков к камню как наиболее древней стихии мироздания, существовавшей с «мифологических времен первотворения мира» [25, с. 39]. Кроме того, исследователи отмечают, что камни широко использовались в шаманских обрядах, поскольку им приписывали особую энергию и силу: «первопредки, первые шаманы в мифологии, были связаны со священными камнями или скалами, на которых имелись священные рисунки, либо с теми, которые по форме напоминали очертания человека или животного» [Там же, с. 39]. В тунгусском фольклоре вселенная состояла из трех миров, в каждом из которых имелась «гора или камень, чаще цепи камней», причем в верхнем мире были «один или два небесных камня или небесные горы» [Там же, с. 41]. Представляется возможным, что в мифологии эвенков образы небесных камней воплощали космические тела, в этой связи можно сделать вывод о том, что в данной загадке сохранились следы древних тунгусских мифов о сотворении мира.

В целом, результаты анализа загадок о луне свидетельствуют о том, что при ее изображении используется довольно разнообразный ряд метафор. Метафоры человека в огне, силуэта девочки имеют прямое отношение к архаичным сюжетам об антропоморфном происхождении луны и ее пятен. Зооморфные и предметно-бытовые образы отражают специфику эвенкийского быта и промысловой культуры. Что касается природного кода, он может быть связан с архаичными представлениями тунгусов о небесных камнях верхнего мира.

Звезды в эвенкийских загадках

При описании звезд ведущую роль играет пространственный код, актуализирующий интересные образы, сюжеты и архетипы. Так, в загадке о звездах *Человечище весь в дырках* [20, с. 160] прослеживаются мотивы антропогонических мифов, согласно которым космические объекты изначально имели антропоморфный облик, а вселенная представляла собой части тела «первочеловека» [30, с. 87-88]. Репрезентация звезд как дыр отсылает к распространенным у многих народов представлениям о наличии отверстий в небесном своде [31, 155]. У эвенков Полярная звезда называется *буга сауарин* 'дыра неба', через которую проникают в верхний мир. Данные воззрения запечатлены и в других загадках: *Ирэкскэжун һуклэдерэн, сауаркăкучий / Шкура лежит большая, вся в дырочках* [19, с. 7]; *Большая шкура вся в дырках, сама сверкает* [20, с. 160]; *Что это за шкура дикого оленя в дырочках?* [5, с. 135]. Метафора шкуры, с одной стороны, соотносится с зооморфной природой *Буга* – Верховного небесного божества, которое отождествлялось с лосем или оленем (самкой лося / оленя). С другой стороны, в текстах загадки реконструированы особенности быта эвенков, связанные с их промысловой культурой, скотоводческо-оленоводческим укладом жизни, где обработка шкур животных является экзистенциально-релевантным видом хозяйственной деятельности. В загадке *Дырявый нюк* [8, с. 45] через микрокосмическую символику конусообразного покрытого шкурами жилища вербализуется мифологема вертикальной оси мира. Нюком называется верхняя часть чума, которая

в данном контексте изображает верхний мир – небесный свод; семантика округлого жилища иллюстрирует космос как крышу дома человека – накиннутую на средний мир шкуру.

Восприятие небосвода как купола или шатра над землей было распространено во многих архаичных культурах [9, с. 146]. Созвучные мотивы зафиксированы в загадках, где звезды представлены пуговицами на шапке или скатерти: *Хэгдымэмэ айун. Долборокин, топчичй - имэннэчй бвки / Большущая шапка. Когда настанет ночь, она становится вся с пуговицами* [19, с. 7]; *Хэгды авдунду долборокин имэнналвэ тулэвкйл / На большой скатерти ночью пуговицы расставляют* [22, с. 162]. Интересная картина наблюдается в первом тексте: метафора шапки иллюстрирует очертания округлого купола, образующего крышу и стены над землей, моделируя тем самым общее пространство для земли и неба. Представленные в загадках объекты свидетельствуют о том, что образы небесного купола и дыр (отверстий) на шкуре трансформировались в метафоры головного убора, скатерти и предметов шитья, причем пуговицы имплицитно репродуцируют картину отверстий в небесном своде. Л. Н. Жукова отмечает, что семантика дыр (разрывов) на шкуре соотносится с этиологическим мифом о лосихе или самке дикого оленя, из шкуры которой появились личинки-черви – люди и животные [34]. Связь происхождения человека с культом личинок у тунгусских народов воплотилась в представления о червях-личинках, которые «отсылают к временам первотворений, тесно переплетаясь с тотемическими зооморфными воззрениями» [34, с. 39].

В тексте *Дюкэду пурчава хумтэчл / На льду сушеную рыбу рассыпали* [22, с. 161] запечатлен архетип мирового океана – первозданных вод. Данный мотив существовал во многих культурах: первозданный океан окружал небо и землю; вода раздвигалась, образуя верх и низ; над небесным сводом изначально был мировой океан и т.д. [31, В3А]. Изображение неба в качестве водной стихии не только указывает на то, что оно является источником воды, но и воссоздает суровые климатические условия. Рассыпанная на льду рыба дублирует в верхнем мире замерзший ландшафт, визуализируя территорию бытования эвенков с ее покрытыми льдами водоемами во время зимы.

Следы антропоморфических мифов наблюдаются в загадке о Большой Медведице *Надан бэел умукэндй укунмйе умдыра / Семь мужчин вместе молоко пьют* [19, с. 69]. Созвездие кодируется через персонифицированные образы, реконструирующие сюжет о возникновении Большой Медведицы: у эвенков Китая упоминаются семь богов; у олимпийских эвенков четыре брата из верхней земли образовали ковш, а три брата средней земли – ручки [31, В46С]. В тексте репродуцируются представления тунгусо-маньчжурских народов о верхнем мире с наполненными молоком реками, который был «связан со светлым состоянием человека», выступая локусом «ритуальных игр этических героев» [35, с. 21-22]. Таким образом, в паремии может изображаться процесс или обряд распития оленьего молока. Кроме того, метафора молока может отсылать к Млечному пути: иллюстрация пьющих молоко мужчин воссоздает соположение выделяемых объектов в космической сфере.

Резюмируя, необходимо отметить, что в эвенкийских загадках о звездах особую функцию выполняют метафоры неба. Локус является ключевым фактором, описывающим существенные характеристики пространства, в котором расположены звезды. Небо изображается как первочеловек, источник воды, выброшенная на землю шкура и крыша чума. Кодирование звезд основывается на архаичных мотивах о дырах и отверстиях верхнего мира, а также сюжетах об их антропоморфной природе. Рассмотренные примеры демонстрируют, что в загадках реконструируются быт и промысловая культура эвенков, а также специфика их зимнего ландшафта.

Заключение

В ходе исследования нами были проанализированы метафорические образы солнца, луны, звезд и неба, идентифицированы культурные коды, указывающие на архаичные мифические формы восприятия эвенками космического пространства. Результаты исследования демонстрируют, что при переосмыслении неба и небесных тел используются антропный, зооморфный,

предметно-бытовой, природный, акциональный, пищевой коды. В целом, разнообразие метафор, совокупность формируемых образов и смыслов указывают на отождествление космоса с божествами и мифическими персонажами, реконструируются разнообразные сюжеты о сотворении вселенной. Так, в фольклорных текстах обнаружены следы антропоморфических мифов: небо, луна и звезды имеют антропоморфные черты, свидетельствуя о том, что мифы о сотворении мира, первопредке, божествах верхнего мира оказали огромное влияние на мировоззрение эвенков и закрепились в текстах космогонических загадок. Были обнаружены мотивы о космической охоте и небесном лесе, архетипы мировой горы и вертикальной оси мира (в образе эвенкийского конусообразного жилища). Микрокосмическая метафора чума реконструирует модель мира: коническая крыша с отверстием для дыма, центральный вертикальный столб и жерди с накинутыми на них шкурами отражают структуру вселенной. В загадке о луне прослеживаются религиозные воззрения эвенков о сакральности камней через мотив о небесных камнях верхнего мира. Архетип первозданного мирового океана репродуцируется в загадке о рассыпанных на льду звездах-рыбах, воспроизводя пейзаж замерзших в зимнее время водоемов и отсылая к промысловой культуре эвенков. Космогонические загадки отражают микромир и быт эвенков: актуализируются темы оленеводства, скотоводства, рыболовства, охоты; репрезентируются элементы традиционной культуры (шитье, меховая обувь, головной убор, обработка и ремонт шкур).

В целом, результаты проведенного исследования демонстрируют, что загадки, будучи архаичным фольклорным жанром, содержат релевантную информацию о мифологической картине мира народа. Тексты загадок «консервируют» символы, образы и метафоры, отражающие характерные особенности традиционного мировоззрения. В космогонических текстах репродуцируются мотивы о сотворении мира и космоса, о структуре и природе вселенной. Перспективы исследования мы определяем в необходимости дальнейшего рассмотрения «загадочного» материала в сопоставительном плане, что позволит идентифицировать специфику мифологической и космогонической картин мира носителей разных культур.

Литература

1. Берёзкин Ю.Е. Волшебная жена: варианты мотива в контексте древнейшей истории. *Этнография*. 2024;2(24):6–33. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-6-33.
2. Дин Л., Лысякова М.В. Сопоставительный анализ зоонимосодержащих фразеологизмов с религиозным компонентом в русском и китайском языках. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024;15(2):348–363. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-348-363.
3. Чеснокова О.С., Усманов Т.Ф. Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022;13(2):483–501. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501
4. Варламова Г.И. *Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре*. Новосибирск: Наука; 2004:188.
5. Василевич Г.М. *Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору*. Ленинград: Изд-во ин-та народов Севера; 1936:290.
6. Василевич Г.М. *Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.)*. Ленинград: Наука; 1969:303.
7. Мазин А.И. *Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.)*. Новосибирск: Наука; 1984:200.
8. Романова А.В., Мыреева А.Н. *Фольклор эвенков Якутии*. Ленинград: Наука; 1971: 334.
9. Элиаде М. *Космос и история*. Москва: Прогресс; 1987:312.
10. Шестак Л.А. Образы: когнитивный механизм, поэтика, семиосфера. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024;15(1):51–63. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63.

11. Замалетдинов Р.Р., Файзуллина Н.И. Космогонические загадки в лингвокультурологическом аспекте (на материале русских и татарских народных загадок). *Филологические науки в МГИМО*. 2019;18(2):106–112. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-106-112>
12. Ойунская С.П. *Саха таабырыннара. Якутские загадки*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1975:376.
13. Цивьян Т.В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? В кн.: Николаева Т. М. (отв. ред.) *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. I*. Москва: Индрик; 1994:178–194.
14. Filippova V., Filippova S. Cultural codes: Representations about the sky and celestial bodies in Yakut riddles. *Agathos: An International Review of the Humanities & Social Sciences*. 2021;12(2):61–75 (на англ. яз.).
15. Stefanova A. Riddles as a community psychological phenomenon in folklore: Myths, fairy-tales, personal literature art. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2007;35:131–142 (на англ. яз.). DOI: 10.7592/FEJF2007.35.stefanova.
16. Мамедова В.Н. К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков). *Филологические науки в МГИМО*. 2021;7(1):140–147. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>
17. Степанова Е.С. Семантика мифа о рождении как культурный код. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024;15(1):292–304. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304
18. Зубко Г.В. Миф как составная часть общечеловеческого культурного фонда. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2001;(3):3–16.
19. Юктэ: Эвенкийские загадки, пословицы, поговорки, приметы. Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг»; 2005:88.
20. Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во; 1967:184.
21. Оёгир Н.К. *Человек сильнее всех: Эвенкийские народные сказки, предания, загадки, приметы, представления*. Красноярск: Книжное изд-во; 1986:140.
22. Оёгир Н.К. *Гулувун дегдэдедэн.... Чтoб не гас костёр...: Сказки, стихи*. Красноярск: Сибирские промыслы; 2006:352.
23. Суворов И.И. *Верный друг: Сказки эвенков*. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во; 1957:82.
24. Анисимов А.Ф. *Космологические представления народов Севера*. Москва: Ленинград: Изд-во АН СССР; 1959:108.
25. Сем Т.Ю. Природные стихии в космогонической мифологии эвенков Забайкалья и сопредельных территорий: небесные светила и священные камни. В кн.: Давыдов В. Н. (отв. ред.) *Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН; 2016:14–69.
26. Болдырев Б.В. *Эвенкийско-русский словарь*: в 2 ч. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.evengus.ru/slovari/evk-rus/b/bu.html> (дата обращения: 27.02.2025).
27. Василевич Г.М. *Русско-эвенкийский словарь*: в 2 ч. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.evengus.ru/slovari/rus-evk/o/index.html> (дата обращения: 27.02.2025).
28. Хороших П.П. Метание маута на хорей в структуре инициации в традиционной культуре эвенков. *Человек и культура*. 2019;(6):106–113. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.6.28608
29. Токарев Г.В. *Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке)*. Волгоград: Перемена; 2003:213.
30. Иванов В.В. Антропогонические мифы. В кн.: Токарев С. А. (гл. ред.) *Мифы народов мира: Энциклопедия*: в 2-х т. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия; 1980:87–89.
31. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.areasofmyths.com> (дата обращения: 02.04.2025).
32. Афанасьев А.Н. *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3-х т. Т. 1. Москва: Издательство Юрайт; 2025:444.
33. Лунарные культы. В кн.: Кравец С. Л. (отв. ред.) *Большая российская энциклопедия*: в 30 т. Том 18. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2011:767.
34. Жукова Л.Н. Лосиная тема и культ личинок в монументальном и мобильном искусстве аборигенов Якутии (к постановке вопроса). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2021;37(4):34–46.
35. Лебедева Ж.К. *Архаический эпос эвенов*. Новосибирск: Наука; 1981:156.

References

1. Berezkin YuE. The magic wife: Variants of the motif in the context of ancient history. *Etnografia*. 2024;24(2):6–33 (in Russian).
2. Ding L., Lysyakova MV. Comparative analysis of animal phraseological units with religious component in Russian and Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;15(2):348–363.
3. Chesnokova OS., Usmanov TF. Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish riddles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022; 13(2):483–501 (in Russian).
4. Varlamova GI. *Evenki worldview: Reflection in folklore*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2004:188 (in Russian).
5. Wasilewitch GM. *Collection of materials on Evenk (Tungus) folklore*. Leningrad: Publishing House of the Institute of Peoples of the North; 1936:290 (in Russian).
6. Wasilewitch GM. *Evenks. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century)*. Leningrad: Nauka Publ; 1969:303 (in Russian).
7. Mazin AI. *Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons (late XIX – early XX centuries)*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1984:200 (in Russian).
8. Romanova AV., Myreeva AN. *Folklore of the Evenks of Yakutia*. Leningrad: Nauka Publ.; 1971:334 (in Russian).
9. Eliade M. *Cosmos and history*. Moscow: Progress Publ.; 1987:312 (in Russian).
10. Shestak LA. Images: cognitive mechanism, poetics, semiosphere. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;15(1):51–63 (in Russian).
11. Zamaletdinov RR., Faizullina NI. The cosmogonic riddles in the linguocultural aspect (on the material of Russian and Tatar folk riddles). *Linguistics & Polyglot Studies*. 2019;18(2):106–112 (in Russian).
12. Oyunskaia SP. *Yakut riddles*. Yakutsk: Yakutsk Publ. House; 1975:376 (in Russian).
13. Tsvivan TV. A Key in a Riddle: A Solution to a Riddle. In: Nikolaeva T.M. (ed.) *Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: The riddle as the text. 1*. Moscow: Indrik Publ.; 1994:178–194 (in Russian).
14. Filippova V., Filippova S. Cultural codes: Representations about the sky and celestial bodies in Yakut riddles. *Agathos: An International Review of the Humanities & Social Sciences*. 2021;12(2):61–75.
15. Stefanova A. Riddles as a Community Psychological Phenomenon in Folklore: myths, fairy-tales, personal literature art. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2007;35: 131–142.
16. Mamedova VN. To the question of linguocognitive qualification of folk riddles (on the material of Russian and Azerbaijani languages). *Linguistics & Polyglot Studies*. 2021;7(1):140–147 (in Russian).
17. Stepanova ES. Semantics of the birth myth as a cultural code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;15(1):292–304 (in Russian).
18. Zubko GV. Myth as an integral part of the universal spiritual fund. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 2001;(3):3–16 (in Russian).
19. Yukte: Evenki riddles, proverbs, sayings, omens. Ulan-Ude: Belig Publ.; 2005:88 (in Russian).
20. Folklore of the Evenks of the Baikal region. Ulan-Ude: Buryat Publishing House; 1967:184 (in Russian).
21. Oegir NK. *Man is stronger than all: Evenk folk tales, legends, riddles, omens, instructions*. Krasnoyarsk: Book Publishing House; 1986:140 (in Russian).
22. Oegir NK. *Guluvun degdededen.... So that the bonfire doesn't go out...: Fairy tales, poems*. Krasnoyarsk: Siberian Crafts Publ.; 2006:352 (in Russian).
23. Suvorov II. *The faithful friend: Tales of the Evenks*. Novosibirsk: Novosibirsk Publishing House; 1957:82 (in Russian).
24. Anisimov AF. *Cosmological representations of the peoples of the North*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR Publ.; 1959:108 (in Russian).
25. Sem TYu. Natural Elements in the Cosmogonic Mythology of the Evenks of Transbaikalia and Adjacent Territories: Heavenly Bodies and Sacred Stones. In: Davydov V.N. (ed.) *Fire, water, wind and stone in the Evenk landscapes. The relationship between man and nature in Baikal Siberia*. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ.; 2016:14–69 (in Russian).
26. Boldyrev BV. *Evenk-Russian dictionary*: in 2 vol. [Web source] (in Russian). URL: <https://www.evengus.ru/slovari/evk-rus/b/bu.html> (accessed February 27, 2025).
27. Wasilewitch GM. *Russian-Evenki dictionary*: in 2 vol. [Web source] (in Russian). URL: <https://www.evengus.ru/slovari/rus-evk/o/index.html> (accessed February 27, 2025).

28. Khoroshikh PP. Throwing maut over khorei in the structure of initiation in the traditional culture of the Evenks. *Chelovek i kul'tura [Man and Culture]*. 2019;(6):106–113 (in Russian).
29. Tokarev GV. *Concept as an object of Linguoculturology (on the material of representation of "Labor" concept in Russian language)*. Volgograd: Peremena Publ.; 2003:213 (in Russian).
30. Ivanov VV. Anthropogonic myths. In: Tokarev S. A. (ed.) *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia*: In 2 volumes Vol. 1. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1980:87-89 (in Russian).
31. Berezkin YuE, Duvakin EN. *Thematic catalog and distribution of folklore and mythological motifs by area: Analytical catalog* [Web source] (in Russian). URL: <https://www.areasofofmyths.com> (accessed Apr 02, 2025).
32. Afanasyev AN. *The poetic views of the Slavs on nature*: In 3 Vol. Vol. 1. Moscow: Urait Publ.; 2025:444 (in Russian).
33. Lunar cults. In: Kravets S. L. (ed.) *The Great Russian Encyclopedia: in 30 volumes. Vol. 18*. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2011:767 (in Russian).
34. Zhukova LN. The Elk Theme and the cult of larvae in the monumental and mobile art of the aborigines of Yakutia (Towards the Formulation of the Question). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2021;37(4):34–46 (in Russian).
35. Lebedeva ZhK. *Archaic epic of the Evens*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1981:156 (in Russian).

Об авторе

Филиппова Саргылана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык и перевод», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-7879-5646, e-mail: filippova_sargylana@mail.ru.

About the author

Sargylana V. Filippova, Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof. of the Department of English and Translation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-7879-5646, e-mail: filippova_sargylana@mail.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию 19.05.2025 / Submitted 19.05.2025

Принята к публикации 31.05.2025 / Accepted 31.05.2025